

Юрий Нагибин.
Нина Соротокина

ШКОЛЬНЫЙ АЛЬБОМ

Бывшие выпускники 41-го года одной из школ на Чистых прудах собрались в загородном доме на традиционную встречу. Эта встреча особенная, они празднуют свой день рождения — общее шестидесятилетие. К круглой дате был выпущен альбом, посвященный тем, кто погиб на фронте, ушел по старости и болезни, продолжает дело жизни. Каждая такая встреча очень радостна для собравшихся, и полной неожиданностью для всех был возникший на вечере раздор. Школьный альбом заставил вспомнить, и всплыла старая история, которая не изжила себя и в конце концов привела к гибели замечательного человека. Женя — благородный, верный, всегда готовый спасти, помочь, выручить, он только сейчас встал перед друзьями во весь свой рост, он незримый участник встречи, а тот, кто его предал, отлучен от дружбы, вычеркнут из школьного альбома, из самой жизни...

ДВЕРЬ распахнулась, на пороге стоит немолодая, как и все за столом, женщина, одетая более чем скромно: юбка, кофта, сандалеты без каблучков. Все оборачиваются, смотрят на нее, кто удивленно, кто с улыбкой ожидания.

— Здравствуйте... — несколько растерянно говорит Ира, так зовут пришедшую, — это дача Алексея Петровича Гурина?

— Господи... это же Первова. Это ты? — потрясенно произносит Алеша.

— Я, — тихо отвечает Ира, она очень смущена.

И сразу крик за столом, возгласы: «Откуда ты взялась?», «А я ее сразу узнала, у нее прикус особый...», «Какой может быть прикус у вставных челюстей? Глаза, вот что важно! В нашем возрасте у человека остаются только глаза...»

Зоя тоже всматривается почти незрячим взором в пришедшую и настойчиво спрашивает соседку за столом:

— Лида, кто это? Кто пришел?

— Ирка Первова. Помнишь? Она с нами до девятого класса училась. Всегда на последней парте сидела. А на слете читала стихи Маяковского. Ее никто не слушал, и она прямо на сцене разревелась.

Лида продолжает свой рассказ, не замечая, что Зоя уже встала и неуверенно направилась к Ире.

— Ира, где ты?

Среди общего гвалта Ира услышала тихий Зойн голос, замерла, взгляды в Зюю, потом подошла к ней и обняла с испуганной, почти жалкой улыбкой.

— Зоянка... Как же ты, а? Господи... вот ведь как...

— Да ничего... Что мы стоим-то? Давай садимся, — говорит Зоя взволнованно.

Обе садятся за стол рядом. Иру обнимают, накладывают на тарелку закуску.

— Это я ее отыскала, — с улыбкой говорит Оля, — она уже год живет в Коньково-Деревлево у дочери. Почти рядом со мной.

— В Коньково-Деревлево живут лучшие женщины, — вставляет Яша галантно.

— ...пошла я в прошлом месяце в поликлинику, — продолжает Оля, — Очередь огромная, сижу, жду. Рядом сидит женщина, читает. Потом стала прядь у виска наматывать на палец. Наматывает, распустит... Я думаю, где это я уже видела? Когда-то очень давно...

Все смеются.

— Большого орла, — кричит Миша, — медленно! — и протягивает Ире бокал с шампанским.

— Что вы, — от степенности Ира ко всем обращается на «вы», — я вообще пить не могу. У меня сердце очень неважное.

Ира ведет себя не только смущенно, напряженно, но даже чопорно, и видно, что она пытается узнать лица за столом, всех путает и каждый раз испытывает почти потрясение — о, время, время... Неужели это он, бравый спортсмен, герой любительской сцены, а эта — расплывшаяся, седая, золотобубая — неужели?.. Какой же она сама кажется всем этим людям? Она растерянно закрывает лицо ладонями, словно пытается скрыть морщины, видны только ее испуганные глаза. Все улыбаются ей грустно, понимая ее состояние. Яша, как всегда, пытается шуткой разрядить обстановку.

— Что? Не краснеть? Стареть надо в коллективе. Ты где старела?

— В Горьком, — шепчет Ира. — Яша, это вы?

— И перестань говорить нам «вы»! — вмешивается Алеша.

— Не пугай ты ее, — вступает за Иру Миша и поясняет: — Алешка артист. Баритоны всегда как-то не по-человечески острят. Исправляйся, Алексей, тост!

Все кричат: «Тост!» Алеша встает и говорит торжественно:

— Милая, славная, драгоценная Ира... не бойтесь нас, мы свои. Все знают, что мальчику Каю попал в глаз осколок кривого зеркала. Все помнят, каким это безобразным обернулось. А нас судьба наградила противоположным свойством. Когда мы вместе, небесные ангелы роняют из своих пухлых ручек волшебное зеркало, и каждому из нас в хрусталик попадает крохотный обломок. Он и позволяет нам не видеть старости — ни морщин, ни погасших глаз, ни

больших животов. Мы вечно молоды — фрейлины и пажи их величества 455-й школы.

— Провербально! — потрясенно-насмешливо говорит Яша и тут же переводит смущенной Ире, — то есть вошло в поговорку.

— Мне стыдно сознаться, — тихо говорит Ира, — но я вас не помню. Ничего не помню. Вы правы, Яша, стареть надо в коллективе.

— Сейчас ты всех вспомнишь, всех узнаешь. Альбом сюда!

Тут же чьи-то руки подают альбом, раскрытый на двадцатой странице, и Ира с удивлением видит собственную фамилию и крохотную любительскую фотографию.

— Это не я, — говорит она растерянно.

— Конечно, не ты, — поясняет Миша. — Но это была ты...

— Ребята, это очень смешно, но это действительно не я, — Ира вдруг весело хохочет. — Это моя соседка по парте, мы с ней сидели вместе в седьмом классе, а потом она уехала в Сызрань или в какой-то другой город. Из общей фотографии вы вырезали не ту физиономию.

Все долго смеются не столько над ошибкой, сколько оттого, что Ира расвеселилась, помолодела и признала всех сидящих за столом своими. Ира листает альбом, все наперебой объясняют кто есть кто. Ориентироваться нетрудно, потому что на каждой странице по две фотографии: из школьной жизни и из теперешней. Мы видим молодых Алешу, Яшу, совсем девочек Олю и Веру.

Ира вначале листает альбом беспорядочно, находя в нем сидящих за столом людей, потом возвращается к началу альбома, в раздел «Они сражались и погибли за Родину». На первой странице молодое прекрасное лицо девушки — Любовь Кравцова. Рядом ее же фотография — очень повзрослевшая Люба в форме летчицы.

За кадром звучит очень повзрослевший голос Миши: «Она под Керчью погибла, сгорела, как факел, со своим самолетом. Герой Советского Союза наша Люба...»

Еще фотографии юношей, девушек: погиб под Харьковом, убили под Киевом, погибла в Венгрии, умер от ран в санитарном поезде...

На одной странице Ира задерживается дольше, чем на остальных. На ней изображен юноша в офицерской шинели, вид очень подобранный, можно сказать — бравый.

Ира внимательно смотрит на фотографию и молчит.

— Борис Ладейников... — говорит Миша. — Помнишь его? У него особый случай, особая судьба — горькая. Он погиб в штрафном батальоне под Москвой...

— Боря, — шепчет Ира.

— Он был в военном училище, поступил туда еще до войны, — продолжает Миша. — И надо же такому случиться... В общем, во время его дежурства со склада украли мешок картошки. Его судили, тюрьму заманили штрафником. Он погиб в первом бою.

— Я знаю, — говорит, наконец, Ира, потом осторожно глядит фотографию. — Эта фотография у меня дома висит. Я сама ее делала, — она обводит всех глазами. — Боря был моим мужем, только расписаться не успели.

За столом стало очень тихо, все внимательно смотрят на Иру.

— А Женя? — спрашивает вдруг Ира. — Покажите мне Женю Круглова.

— Женя тоже уже нет, — осторожно говорит Яша, переворачивая страницы альбома.

— Я знаю.

Ира внимательно смотрит на фотографию Женю, потом говорит:

— Я помню его на велосипеде... Он тогда поспорил с Андреем Буровым. Какое-то дурацкое пари. Длинная лестница в парке. Там была еще огромная гипсовая ваза...

СОЛНЕЧНЫЙ день, у гипсовой вазы сидит на паранете молоденькая Ира, рядом с ней Борис Ладейников, а сверху по лестнице вниз едет на велосипеде Женя, едет очень уверенно, неторопливо.

— Сейчас бухнешься, нос расквасишь, руки вывихнешь, дурак несчастный, — приговаривает Ира, глядя на велосипедиста.

— Да ничего ему не сделается, — басит Борис. — Хотя мальчишество, конечно...

Голос Яши за кадром: «У него был заме-

чательный велосипед БСА — чудо! Бог велосипедов!»

Голос Иры за кадром: «Бог велосипедов был у Андрея, а Женя — бог велосипедистов — развезжал на каком-то непременном недомерке...»

Женя благополучно доезжает до площадки с вазой, затем вздымает велосипед на заднее колесо, словно норовистого коня, на одном колесе спускается на следующую ступеньку, потом опускает переднее колесо и опять неторопливо катится вниз.

Голос Иры за кадром: «Это он перед Никой Ветошкиной козырял».

И мы видим, что за велосипедистом наблюдают не только Ира с Борисом, но и волоокая девушка редкой и вполне сознающей себя красоты — ленивой, разящей и победительной, словом — Ника. Рядом стоит Андрей Буров — рослый, красивый, в модной замшевой куртке с молниями на карманах. Дальше — тоненькая Оля, лохматый Яша.

Опять застолье, внимательные, немолчаливые лица словно всматриваются в собственную юность, а над столом молодой, из другой жизни крик нескольких голосов: «Выиграл, выиграл! Андрей проиграл!..»

— А на что спорили? — спрашивает Вера.

— А шут его знает, — сознается Яша. — День этот помню, лестницу помню, а почему это было так важно — забыл.

— Если можно так сказать, — объясняет Ира, — они спорили на Нику. Тогда все подвиги Андрея и Женю были в ее честь.

— Точно, — вспоминает Яша, — Андрей взял реванш — он тоже съехал с этой лестницы.

— Но на БСА, — замечает Ира.

— А Борька тоже съехал? — интересуется Вера.

— Мне это было не нужно, — со странной гордостью говорит Ира. — А Андрей Буров здесь?

— Нет, но будет! — радостно произносит Алеша. — Я вчера с ним разговаривал. Он обещал приехать.

ГОСТИ разбрелись по даче, каждый занял своим делом, кто вышел в сад, кто включил магнитофон на террасе, чтобы потопать под старую, старую «Рио-риту». Над школьным альбомом остались трое: Ира, Лида и Зоя. Лида — врач, в войну она работала вместе с Зоей. Перед Ирой страница, на которой изображен на фотографии ее бывший муж — Борис Ладейников.

— В школе его звали Ладья. Он и вправду умел ходить только по прямой. Мне так не хотелось, чтобы он шел в военное училище... в мирное время. Я говорила: «Тебе что, форма нужна и пистолет на боку?» А он: «Да, форма и пистолет, и запах казарм. В моей семье все были военными».

Зоя охуцно находит Ирину руку и гладит, гладит...

— Когда он погиб, — продолжает Ира, — я разум потеряла. Его родители были мне совсем чужие люди.

— Они знали о ваших отношениях?

— Они знали, что мы дружили. Борин дед, старый такой, генерал, сказал мне про похоронку... — она умолкает, пытается более точно передать мысль. — Для него самое страшное было не то, что Боря погиб, а как он погиб. Бесславно, видели ли... Вот так мне пальцем в грудь стучит и приговаривает: «Но он кровью искупил свою вину, кровью...» Вот именно кровью... А ведь он знал, что Боря не виноват. Я не могла ходить к ним в дом и осталась совсем одна.

На руках мама парализованная, с ней не поговоришь. Из ребят никого, кто на фронте, кто в эвакуации. А голод... страшный! А напарница моя по фотографии, я тогда в фотографии работала, фотокарточки делала на документы и все такое... Так вот Лерка эта, напарница, мне и говорит: «Давай на вокзал ходишь, встречать, может, твой и не погиб...» Я говорю: «Как же не погиб, если похоронка пришла?..» А Лерка: «Давай ходишь, будто он живой. Как будто...» И стала я с Леркой ходить на вокзал. Там меня Женя и встретил.

— Женя?

— Если бы не Женя... Стыдно об этом вспоминать, но ведь было...

ВОЕННАЯ Москва, Ленинградский вокзал, поезд с фронта и встречающие этот поезд женщины — в валенках, в шерстяных платках, повязанных крест-накрест через грудь, с бледными лицами. Иные знали, кого встречают, и с рыданиями повисали на своих близких, другие деловито шныряли среди приезжающих, ждущие заглядывали в незнакомые небритые лица, ловя ответный знак. У этих женщин не было ничего, кроме жилого угла, где военный человек мог переночевать или задержаться на денек — как придется.

Среди встречающих Ира, тоже в валенках, в платке крест-накрест. Худое, заострившееся лицо с потерянными выражением, и тем страннее выглядели выбившиеся из-под платка волосы, уложенные модной волной, и

накрашенные ярко губы. Потом она словно спохватилась, лицо ее озарилось вниманием — она уловила на себе чей-то заинтересованный взгляд, и вот она уже что-то отвечает этому заинтересованному военному и даже кокетливо пожимает плечом. Вид у нее при этом жалкий и даже испуганный.

В этот момент на перроне появился Женя: военная форма, вещмешок за плечами. Женя заметно хромал, лицо его было напряженным и донельзя усталым. Он рассматривал толпу, потом смотрел поверх голов, словно пытаясь прогляднуть Москву, которую не видел с самого начала войны. Он почти столкнулся с Ирой и сразу остановился, сверяя облик этой постаревшей незнакомой Иры с той, какую знал два года назад. Он сразу все понял.

Ира, кажется, уже обо всем договорилась с военным, он взял ее под руку, но тут она подняла глаза и увидела Женю. Наверняка все тело ее обмякло, потому что военный сразу опустил руку, глянул на Иру, потом на Женю и поспешно зашагал прочь.

Ира смотрела на Женю широко открытыми глазами и только прикрыла варежкой открытый, словно для крика, рот. Когда Женя отвел ее руку, Ирин рот от размазанной губной помады казался окровавленным.

И тут она припала к нему и заплакала тихо и горестно. В плече ее не было надрыва, а слышалось даже некоторое успокоение, словно в кошмаре военного быта, потерь, обид и унижений она встретила со своей юностью и омылась чистым ее светом.

— Женя, ах, Женя! — повторяла она на все лады. — Боже мой, Женя!..

ПО НОЧНОЙ заснеженной Москве идут Женя и Ира.

Голос Иры за кадром: «И мы пошли ко мне через весь город, и он провел у меня всю ночь, хотя, конечно, ему очень хотелось в другое место — к Нике. Родители Женя эвакуировались в Ташкент, а Ника была в Москве, это он точно знал, хотя она и не писала ему...»

Узкая, плотно заставленная мебелью комната: какие-то столики, швейная машина, засохшая пальма в кадке, через всю комнату протянуты веревки, на которых сохнут прищипленные бельевыми прищепками фотографии чужих лиц.

Вдоль единственной незаставленной стены головой к двери на раскладушке лежит Женя. В соседней комнате, отделенной от Женя стеной, лежит на кровати Ира. В углу большой комнаты спит Ирина больная мать, дышит шумно, всхрипывает. У окна стол с остатками убогого пира: фляжка из-под водки, открытая банка тушенки, кожура от картошки, сваренной в мундире.

Женя и Ира лежат молча, всматриваясь в полумрак. Синий фонарь раскачивается за окном, высвечивая фотографии, они глянцево, жутковато улыбаются Жене в лицо.

— Спишь? — спрашивает Ира.

— Нет...

По лицу Женя пробежала тень, словно у него все скисло внутри: «Бедная Ирка... бедная».

— Ты же знаешь, я не могу... просто так... пойми...

— Да мне не надо от тебя ничего! — страстно шепчет Ира, легко вскакивает, бежит к Жене в комнату, и, не раздумывая, откидывает одеяло. Ира сама поднырнула под руку к Жене, раскладушка слабо скрипнула под тяжестью двух тел.

— Вот так, хорошо... — шепчет Ира, закрыв глаза.

— Ирка, — говорит вдруг Женя свежим голосом, и в этом обращении звучат забытые школьные интонации. — Ты не ходи больше на вокзал.

— Молчи... не говори ничего, — шепчет Ира, прикрывая ладонью Женин рот. — Дай отдохнуть... Щеки небритые. А Борька всегда был выбрит. Даже в штрафниках. Я ведь видела его перед отправкой на фронт. Две минуты... Попрошались. Я одна к той теплушке пробралась. Родителей своих он не успел предупредить, а может, не захотел.

— Ты его не на вокзале ищи. Ищи его на войне...

— А мама? Маму куда?

— Придумаем что-нибудь... Ты не ходи больше на вокзал. Нельзя, понимаешь? Боря, он всю жизнь готовил себя к армии, к войне — зарядки, гири пудовые... Да что зарядки, он душу свою к подвигу готовил. И не его вина... Мы права не имеем, слышишь, Ирка?.. Мертвый, живой ли — ты его жена. Ищи его там, где он воевал.

НАД ШКОЛЬНЫМ альбомом сидит заплаканная Зоя, потерянная Лида обнимает Иру, у той суровое, напряженное лицо.

— А потом что? — спрашивает Лида.

— Летом мама умерла, а я пошла на фронт сандружинницей. Там и мужа себе нашла. У него было осколочное ранение в живот. С таким ранением редко кто выживает, а я его выходила, на ноги поставила. Она улыбку ласково.

— Сейчас его уже нет, моего Виктора. Но мы прожили хорошую, долгую жизнь.